

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

иером. Вениамин (Федченков)

О крестном пути пастырства:
слово, произнесённое в храме СПб. Духовной
Академии за литургией в день годовичного акта,
17 февраля 1911 г.

Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 4. С. 540-551.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

О крестномъ пути пастырства.

(Слово, произнесенное въ храмъ Слб. Духовной Академіи за литургіей въ день годовичнаго акта, 17 февраля 1911 г.).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

ВОТЪ уже 102 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этотъ же день совершилось торжественное открытіе нашей родной Академіи. Но случилось такъ, что Святая Православная Церковь въ тотъ же день искони совершала празднованіе св. Великомученика Феодора Тирона, который и сдѣлался такимъ образомъ покровителемъ нашей Духовной Академіи вмѣстѣ съ всехвальными дванадцатью Апостолами, въ честь коихъ освященъ этотъ храмъ.

Воинъ и Духовная Академія!.. Не кажется ли страннымъ подобное сочетаніе?.. Вполнѣ понятно, почему въ питомникѣ и разсадникѣ продолжателей дѣла Апостольскаго избраны ходатаями предъ Богомъ и покровителями высшей духовной школы — «служители Слова» св. Апостолы. Но почему произошло совпаденіе торжества открытія ея—и памяти св. война?.. Иной, можетъ быть, скажетъ: случайно! обстоятельства такъ сложились.—Конечно, чуда въ этомъ никакого не было, естественный ход событій такъ или иначе привелъ къ этому совпаденію. Но у Господа и волосъ съ головы человѣческой не падаетъ напрасно, «все изочтени суть» (Мф. X, 30). А потому и здѣсь мы должны отыскать сокровенный смыслъ Божій.

Въ чемъ же однако онъ заключается? Если мы обратимся къ житію св. Великомученика война,—то тамъ мало чего найдемъ особеннаго по сравненію съ другими страдальцами.

Въ царствованіе на востокъ Максимина и Максиміана изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ исповѣдующимъ христіанство вкушать отъ идольскихъ жертвъ, въ случаѣ же противленія грозила смерть. Дошелъ этотъ указъ и до полка, въ которомъ служилъ св. воинъ Феодоръ Тиронъ,—т. е. новобранецъ. Многіе изъ солдатъ повиновались царскому указу. Но св. Феодоръ рѣшительно отказался подчиниться требованію. Когда начальникъ указывалъ ему на примѣры другихъ воиновъ, то святой отвѣчалъ:

— Пусть каждый поступаетъ, какъ хочетъ; а я воинствую Царю Небесному, Господу моему Иисусу Христу!

Предполагая, что новобранецъ одумается, начальникъ далъ ему на размышленіе нѣсколько дней. Но Св. Феодоръ, укрѣпляя себя горячими молитвами, не только не думалъ отказываться самъ, но еще и другихъ христіанъ, отправляемыхъ въ темницу, поучалъ терпѣть за Христа до конца. И мало того,—въ одну ночь поджегъ идольское капище такъ называемой язычниками матери боговъ—Цибелы. Но его замѣтили и тотчасъ же донесли о томъ судьямъ. Св. Феодоръ былъ схваченъ и приведенъ къ допросу. Послѣ напрасныхъ угрозъ и убѣжденій принести жертву идоламъ, Св. воинъ былъ осужденъ на голодную смерть въ темницѣ. Тамъ онъ удостоился видѣнія Самого Господа и затѣмъ — ангеловъ, съ которыми и воспѣвали радостно божественныя пѣсни. Удивленная многогласнымъ пѣніемъ, стража вмѣстѣ съ градоправителемъ окружили темницу, думая, что съ Феодоромъ поютъ христіане; но, когда убѣдились, что Св. Феодоръ одинъ, то устрашились и рѣшили выдавать ему понемногу хлѣба, отъ чего однакоже святой отказался. На другое утро его привели въ судъ и здѣсь то льстивыми обѣщаніями почестей, то угрозами снова старались заставить его принести жертву. Но св. Феодоръ рѣшительно заявилъ:

— Пока духъ мой во мнѣ, не отрекусь отъ имени Христа моего!

Тогда судьи приказали строгать желѣзомъ тѣло его,—затѣмъ стали стыдить его, что онъ чтитъ Распятаго іудея, и, наконецъ, задали вопросъ: «съ кѣмъ ты хочешь быть: съ нами ли или съ твоимъ Христомъ?» — А св. Феодоръ съ великою радостью отвѣтилъ:

— Со Христомъ моимъ я былъ, и есмь, и буду. Вы же творите, что хотите!

Тогда судьи отдали приказъ сжечь его на кострѣ. Св. Θεодоръ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и огонь обнялъ тѣло его. Но внезапно нисшелъ Духъ Святый и прохладилъ мученика, который съ хвалой на устахъ и предалъ духъ свой Богу. Это было 17 февраля 306 года. Послѣ одна благочестивая женщина Евсевія взяла тѣло мученика и погребла въ своемъ городкѣ Евхайтахъ. Спустя 55 лѣтъ, Св. Великомученикъ, и по смерти продолжая ревновать противъ идольскихъ жертвъ, явился константинопольскому архіепископу Евдоксію, предупреждая его о коварномъ замыслѣ Юліана Отступника осквернить христіанъ тайнымъ окропленіемъ идоложертвенною кровію пиши на рынкахъ; вмѣсто этого, святой Θεодоръ велѣлъ вкушать въ тотъ день коливо, или кутью,—о чемъ и вспоминаетъ Св. Цѣрковь доселѣ въ субботу на 1-й недѣлѣ Великаго поста.

Вотъ вкратцѣ и все житіе Великомученика воина.

Какъ видимъ, братіе, особеннаго въ немъ дѣйствительно ничего почти нѣтъ, развѣ за исключеніемъ выдающейся ревности святого въ борьбѣ противъ идоловъ, капище которыхъ онъ даже сжегъ. Тѣмъ болѣе нѣтъ и намека на высокое образование простого воина—новобранца.

Но въ такомъ случаѣ, что же сближаетъ его съ высшею духовной школой? что роднитъ воина мученика съ видимо мирнымъ «Домомъ мудрости»?...

Не приходилось ли кому-либо изъ васъ, братіе, близко сталкиваться съ военными людьми? Повидимому, столь противоположные на первый взглядъ, духовные и особенно монашествующіе нерѣдко сближаются съ военными даже гораздо больше, чѣмъ съ людьми гражданскими. Вспомните Пересвѣта и Ослябя. Вспомните примѣръ Троице-Сергіевой Лавры въ годину смуты. Вспомните Соловецкую осаду. Обратите вниманіе на то, что и доселѣ бывшіе воины не только составляютъ значительную часть монастырской братіи, но весьма часто дѣлаются и игуменами. А когда духовному лицу приходится заговаривать съ военными, то они, нимало не колеблясь, объясняютъ это сближеніе сходствомъ дѣланій: вы, вѣдь, тоже воины,—только воинствуете мечомъ духовнымъ, а мы—железнымъ; вы охраняете души, а мы по преимуществу—тѣло.

И именно это воинствованіе,—не говоря уже о сходствѣ въ дисциплинѣ, послушаніи,—сближаетъ два различныхъ, по-видимому, класса.

И дѣйствительно, братіе, пастырь,—а наша Академія какъ сама нѣкоторымъ образомъ есть и должна быть «стражемъ дому» Христова, т. е. Церкви, такъ и первую цѣль своей имѣть и должна имѣть воспитаніе просвѣщенныхъ пастырей, «соразработниковъ» Божіихъ,—пастырь именно есть воинъ. «Ты убо,—только что нынѣ слышали мы въ апостольскомъ чтеніи:—злостражди, яко добръ воинъ Христовъ», заповѣдуетъ св. Ап. Павелъ своему ученику Тимоѳею (2 Тим. II, 3). Ту же именно мысль высказалъ прикровенно и Господь Спаситель Своимъ ученикамъ, незадолго до конца Своего: было время, когда вы, въ первое путешествіе съ проповѣдію, ня въ чемъ не нуждались, встрѣчая повсюду привѣтъ и удовлетвореніе потребностей; а теперь, «кто имѣть ризу, пусть продасть ее и купить ножъ» (Лк. XXII, 35—36); ибо въ будущемъ пастыря ждетъ упорная борьба, «брань» «съ духами злобы поднебесными», т. е. вообще съ разнообразнѣйшими видами зла.

Но какъ воинъ самимъ своимъ положеніемъ заранѣе готовить себя на кровопролитное сраженіе и даже смерть, такъ и пастыря ожидаетъ крестный путь, мученичeskій путь. Такъ всегда было и должно быть. «Поминайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ, — говорилъ Пастыреначальникъ въ прощальной бесѣдѣ ученикамъ, будущимъ пастырямъ: нѣсть рабъ болій господа своего; аще Мене изгнаша и васъ изженуть» (Іоан. XV. 20); и даже наступитъ такое время, что «всякъ, иже убіетъ вы, возмнися службу приносить Богу» (XVI, 2),—какъ нынѣ же слышали мы въ Евангеліи. И дѣйствительно, какъ Самъ Спаситель всю жизнь Свою шелъ крестнымъ путемъ «нашего ради спасенія»; такъ и всѣ истинные пастыри, начитая съ Апостоловъ, идя чрезъ великихъ столповъ и отцевъ Церкви. до нашего времени, до дней пр. Серафима подвижника и блаженно почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго, шли тѣмъ же путемъ крестной борьбы. «Не достанетъ мнѣ времени.—можно сказать съ Апостоломъ,—чтобы повѣствовать» (Евр. XI, 32) даже объ однихъ именахъ этихъ пастырей, прославившихся въ исторіи Церкви. А сколько ихъ, незамѣтныхъ героевъ, дѣлало свое великое, труднѣйшее дѣланіе въ глуши, въ тиши, въ смиренной неизвѣстности.—невѣдомые, можетъ быть, даже себѣ по простотѣ и скромности своей, а лишь открытые очамъ Единаго Бога, Которому воинствовали!..

И дѣйствительно, братіе, нѣтъ и не можетъ быть для пастыря иного пути, кромѣ мученическаго. А мученичествомъ называется и всякое подвижничество, всякій крестный путь.

Св. Симеонъ Нов. Богословъ усиленную борьбу противъ скорбей называетъ дѣломъ не христіанскимъ и даже прямо богоборчествомъ. «Христіанинъ,—говоритъ онъ,—который всячески хлопочетъ и усиливается избыть отъ скудости», «скорбей и тѣсноты», «очевидно, не хочетъ быть христіаниномъ истиннымъ». «Поднимающіе всякіе труды и хлопоты», чтобы всемѣрно «достигнуть довольства и обилія», «можно сказать, идутъ противъ Бога» (Слова, т. I, 71—72).

Если же для всякаго вообще христіанина неизбѣженъ этотъ путь,—то тѣмъ болѣе—для передового воина—пастыря. И дѣйствительно, кто не знаетъ, сколько борьбы ждетъ его и со стороны прежде всего своихъ страстей, которыя всегда обостряются у преимущественно наблюдающихъ за ними,—и со стороны окружающихъ враговъ креста—плотоугодниковъ, сектантовъ, еретиковъ, невѣрующихъ, завистниковъ, клеветниковъ?! «Впрочемъ, доколѣ я не остановлюсь, преслѣдуя недостижимое? говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. Исчислять всѣ здѣшнія трудности значить не что иное, какъ измѣрять море» (О свящ. I, 476). Да и кто не знаетъ крестнаго пути истиннаго пастыря? «Все у насъ общее»,—говоритъ тотъ же вселенскій архипастырь своимъ слушателямъ. «Въ чемъ же состоитъ мое преимущество предъ вами? Въ работахъ, трудахъ, безпокойствахъ, въ скорби объ васъ» (XI, 604). За «благовѣствованіе» я и доннынѣ «злостражду даже до узъ, яко злодѣй», писалъ изъ Римской тюрьмы и престарѣлый апостоль языкъ (2 Тим. II, 3).

Впрочемъ, мы, питомцы духовныхъ школъ, и сами знаемъ, насколько трудна пастырская стезя; и можетъ быть, особенно она стала трудной въ наше время. Истинное пастырство кажется нынѣ особенно великимъ подвигомъ. Посмотрите, что было прежде и что наблюдается теперь. «Вѣрно слово: аще кто епископства хочетъ, добра дѣла желаетъ» (1 Тим. III, 1). Значить, во времена св. Апостола Павла, когда христіанъ гнали и іудеи и язычники, и тогда находились искавшіе, желавшіе пастырскаго служенія. Во времена же великихъ отцовъ Церкви было такъ много помогавшихся престоловъ священства, что необходимо было бороться противъ злоупотребленій и происковъ кандидатовъ. Да, впрочемъ, зачѣмъ искать далекихъ примѣровъ? Откройте первыя страницы нашей же родной Академіи и мы увидимъ поразительныя для нашего времени свидѣтельства. Съ одного курса принимаютъ монашество

5 человекъ студентовъ, съ другого—10, бывало и 12. А изъ остальныхъ громадное большинство идетъ въ бѣлое духовенство. Изъ 1.380 окончившихъ за 28 первыхъ курсовъ существованія нашей школы, около 180 было однихъ лишь монашествующихъ, — т. е. на 6 — 7 человекъ приходился одинъ инокъ. — тѣмъ болѣе, слѣд.: брачныхъ пастырей. Да, тогда тоже умѣли «желать добраго дѣла»! А что мы видимъ теперь? Кончаетъ насъ человекъ 60—70, изъ нихъ одинъ, рѣдко 2.—а то и не одного,—идутъ въ иночество; 3—5, и рѣдко 10—принимаютъ священство. Большинство же рѣшительно отклоняется отъ пастырства. Вотъ фактъ, ярче всего свидѣтельствующій, насколько труднымъ кажется теперь пастырское служеніе. Другихъ доказательствъ, послѣ этого, не нужно. Не нужно уже говорить о томъ, какъ относится къ пастырству общество; какъ иногда кандидату священства трудно бываетъ теперь найти себѣ даже «единую жену» (! Тим. III, 2) потому лишь одному, что не хочется быть помощницей именно пастыря.

Да, братіе, путь пастыря именно есть путь «воина Христова», путь крестный, мученическій!

И никто изъ насъ не долженъ закрывать на это глазъ, никто не долженъ успокаивать себя призракомъ безмятежно-спокойной, благополучной жизни. «Никакой воинъ,—слышали мы нынѣ отъ апостола,—не связываетъ себя дѣлами житейскими», если хочетъ заботиться лишь объ одномъ, «чтобы угодить военачальнику» (2 Тим. II, 4). И если иные, — что наблюдаемъ, къ прискорбію нерѣдко и нынѣ,—идутъ въ пастырство съ легкой совѣстью, не задумываясь надъ тяжестью креста своего, ища не «добраго дѣла», а добраго мѣста; то такіе пусть знаютъ, что они не добрые пастыри, а «наемники», которымъ «не суть овцы своя» (Іоан. X, 12). Про такихъ-то преимущественно пастырей, сказалъ Св. Златоустъ извѣстное «жестокое» слово: не думаю, чтобы спаслось много пастырей!.. Нѣтъ!.. «ты убо злоостражди, яко добръ воинъ Христовъ»,—вотъ какія слова должны быть начертаны всегда и глубоко и въ умѣ, и въ сердцѣ каждаго добраго пастыря... И нѣтъ ему иного пути!

Но «жестокое слово сіе»! говорить въ отвѣтъ наше малодушное сердце.

Да, братіе, оно было бы поистинѣ «жестокое», если бы не было вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-отраднo и даже безмѣрно-сладко.

Когда судья угрожалъ Св. Вел. Θεодору Тирону мученіями, то онъ отвѣтилъ: «муки, тобой наносимыя, не суть ми муки!» Мало того, св. Апостолъ Павелъ,—какъ мы слышали нынѣ,—утѣшая «воина Христова», говоритъ даже ему: «труждающемуся дѣлателью прежде подобаеѣ отъ плода вкусити. Разумѣй, яже глаголю» (2 Тим. II, 5—6). Что значать, братіе, эти слова, стоящія непосредственно за увѣщаніемъ пастырю терпѣть страданія? Конечно,—не иное, какъ то, что именно въ самихъ страданіяхъ есть нѣчто такое, что не только ослабляетъ, утишаетъ ихъ остроту, но даже даетъ какой-то сладкій плодъ, какое-то удовлетвореніе, отъ котораго вкушаетъ прежде всего именно самъ же страждущій. Въ чѣмъ же заключается эта отрада? гдѣ бальзамъ, смягчающій боли отъ ранъ?

Не будемъ говорить, братіе, теперь о томъ, что пастыря успокаиваетъ радостное сознаніе высоты его дѣланія, несравнимаго ни съ чѣмъ на землѣ величія его общественнаго служенія; не станемъ доказывать, что въ самомъ служеніи Богу, въ молитвѣ, есть высшая радость и удовлетвореніе; что истиннаго пастыря ободряетъ и укрѣпляетъ ясное и твердое убѣжденіе, что иного возможнаго и лучшаго пути къ возрожденію человѣчества, кромѣ креста страданій, подвиговъ нѣтъ,—ибо если бы онъ могъ быть, то Господь—Пастыреначальникъ избралъ бы его... Все это дѣйствительно должно утѣшать и утѣшаетъ—«добраго воина Христова». Но этого мало.

Нынѣ нерѣдко не «разумѣють» (ст. 6) или забываютъ именно только что указанный смыслъ словъ апостола о сладости самихъ страданій пастырскихъ, о томъ, что именно самому «дѣлателью прежде подобаеѣ отъ плода вкусити».

И дѣйствительно, братіе, въ мученичествѣ есть сладость! Человѣкъ есть существо не только религіозное, но и—послѣ грѣхопаденія — непремѣнно страдающее. Эти страданія, это сознательно—терпѣливое перенесеніе скорбей, этотъ крестъ—не только не юродство и не безуміе (1 Кор. I, 23), но именно истинное достоинство человѣка, его слава (Еф. III, 14), его вѣнецъ, такъ неизмѣримо высоко поднимающій его надъ всѣмъ міромъ! Человѣкъ «въ чести сый», безъ страданій «уподобляется»,—можно смѣло сказать съ псалмопѣвцемъ,—«скотомъ несмысленнымъ» (Пс. 48, 21).

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ свое вниманіе хотя бы на то: чѣмъ живутъ даже люди невѣрующіе, но прислушивающіеся

еще къ инстинктивному требованію своего сердца? Живутъ ли они, или хоть считаютъ ли они достойнымъ для человѣка—жить въ безпечномъ довольствѣ собой съ холоднымъ равнодушіемъ ко всему окружающему? Нимало. Наоборотъ, не опозоривается ли ими самими подобное настроеніе, какъ буржуазное, безнравственное? Не считаютъ ли и они истинною честью для людей своего міровоззрѣнія—хотя бы и ложнаго,—жить въ борьбѣ, въ страданіяхъ, въ своего рода подвижничествѣ? И мало того, самые лучшіе изъ нихъ даже не желаютъ принять будущаго мечтательнаго «рая на землѣ», съ полнымъ удовлетвореніемъ въ немъ естественныхъ потребностей; и не столько не желаютъ—оттого, что дорога къ этому «блаженству» потомковъ улита потомъ и слезами предковъ, сколько именно потому, что внутренно, органически не могутъ воспринять, какъ идеаль, будущее полное довольство, такъ тѣсно «прилагающее» человѣка къ «песмысленнымъ». Борьба—вотъ въ чемъ счастье», прямо даже говорятъ наиболѣе рѣзкіе изъ нихъ.

И это—всеобщая инстинктивная черта болѣе или менѣе возвышенныхъ, идеалистически настроенныхъ людей.

Въ христіанствѣ же крестъ прямо становится символомъ совершенства, уподобленія Распятому Господу.

«Сынъ Человѣческой»... этимъ именемъ особенно любилъ именовать Себя Спаситель. «Сынъ Человѣческой», т. е. какъ «единъ отъ нихъ», человѣковъ, во всемъ подобный имъ, взявшій все истинно хорошее въ человѣкѣ. А человѣчество искони страдало. И не захотѣлъ Господь быть среди него въ блаженствѣ безстрастія Божества, а уничижилъ Себя, «зракъ раба примъ», «въ подобіи человѣчествѣ бывъ», «смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. II, 7, 8). Не спялъ онъ страданій съ людей, а взялъ ихъ и на себя. Сынъ Божій восхотѣлъ быть однимъ изъ сыновъ человѣческихъ, восхотѣлъ страдать съ ними и за нихъ: «желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами», т. е. пасху, какъ символъ приближавшихся крестныхъ страданій за человѣчество,—говорилъ Спаситель ученикамъ на тайной вечери (Лк. XXII, 15).

И съ той поры всякій истинный сынъ человѣческой, желая быть достойнымъ «братомъ» (Евр. II, 11) Христовымъ, сталъ любить страданія болѣе, чѣмъ благоденствіе,—особенно же въ минуты подъема духовнаго. И чѣмъ кто выше поднимается по ступени уподобленія Распятому, тѣмъ больше и больше хо-

чется ему страдать за Господа, за людей и за свое истинное достоинство. «Блаженнѣе давать, нежели пріимать» (Дѣян. XX, 35), блаженнѣе «страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость», «поношеніе Христово» — «большее богатство», чѣмъ всѣ «египетскія сокровища» (Евр. XI, 25, 26). И тѣ, кто достигали здѣсь высшей 9-й ступени нравственнаго совершенства, ни чему такъ не «радовались и веселились», какъ «блаженству» поношеній, изгнацій, клеветы и, наконецъ, самой смерти Христа ради. Одинъ старецъ лежалъ въ неизлечимой тяжелой болѣзни. Сочувствующій инокъ приготовилъ ему вкусную похлебку и принесъ. Старецъ, пристально взглянувъ на него, сказавъ: братъ, истину говорю: желалъ бы я, чтобы Богъ попустилъ мнѣ страдать въ этой болѣзни еще другія 30 лѣтъ! И братъ отнесъ приготовленное имъ въ свою келлію (Отечникъ, Игн. Бр.). А сколько тысячъ было мучениковъ, подобныхъ св. Θεодору Тирону, которыя не только радовались постигавшимъ мученіямъ, но иногда даже сами искали ихъ!

Св. Великомученика война безчестяетъ, укоряютъ почитаніемъ какого-то Распятаго іудея; а онъ съ горячимъ восторгомъ отвѣчаетъ: о! какъ бы я хотѣлъ, чтобы это безчестіе было не только моимъ удѣломъ, но и всѣхъ призывающихъ имя Господа моего Иисуса Христа!—Съ него сдираютъ кожу, а онъ радостно поетъ: благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устѣхъ моихъ (Пс. 33, 1). Но вотъ рѣшили выдавать ему въ темницѣ хлѣбъ и стали прельщать милостями и почестями; а Св. воинъ отказывается теперь и отъ пищи и одно только непреклонно твердить судьямъ: со Христомъ моимъ я былъ и есмь и буду, а вы творите, что хотите! Наконецъ, его ведутъ на костеръ; но, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и «во источницѣ пламени»,—какъ поется въ тропарѣ,—«яко на водѣ упокоенія, святой Θεодоръ радовашеся»!

Но, братіе и слушатели, если вообще страданія, и особенно Христа ради, заключаютъ въ себѣ какую-то непостижимую радость, то тѣмъ болѣе—страданія пастырскія.

Если кто хоть разъ испыталъ сладость жизни для другихъ, если кто, хотя мало, вкусилъ страданій за Бога и ближнихъ, тотъ можетъ припомнить и понять, какъ радостны были тѣ моменты! какъ ему хотѣлось все болѣе и болѣе горѣть душой за брата! И дивное дѣло! чѣмъ больше пастырь страдаетъ за свою паству, тѣмъ все ближе становятся ему его пасомые, и

все больше и больше хочется страдать съ ними и за нихъ! Наконецъ, онъ доходить до того, что не можетъ уже понять и не хочетъ принять жизни для себя: онъ весь живетъ въ другихъ и для другихъ, умирая за нихъ ежедневно, и самымъ дѣломъ желая наконецъ, «положить душу свою за други своя» (Иоан. XV 13). Страданія пастыря становятся ему и пищей, и питьемъ, и воздухомъ и самою жизнью.—«Равви! ѣшь!»—говорили ученики, предлагая пищу Господу,—только что послѣ пастырской Его бесѣды съ самарянкой: Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у Меня есть пища, которой вы не знаете еще». «Развѣ кто принесъ ему ѣсть?»—недоумѣвали апостолы». Исусъ же говорить имъ: «Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣло Его», т. е. дѣло пастырскаго спасенія людей (Иоан. IV, 31—34).

Послѣ же сладость этой нищи поняли и сами Апостолы, и ихъ истинные преемники. Объ этомъ взываютъ всѣ страницы Павловыхъ посланій. Это переживаетъ и всякій «добрый пастырь», въ мѣру своей вѣры и подвига любви. Мы скорбимъ за васъ,—«но нѣтъ для насъ ничего пріятнѣе этой скорби. Хотя забота эта сама по себѣ непріятна, но когда она бываетъ о дѣтяхъ, то доставляетъ великое удовольствіе. Я многихъ изъ васъ родилъ, да и послѣ того (все еще) страдаю муками рожденія» и буду страдать «даже до послѣдняго издыханія нашего».—Однако, «несмотря на то, я сильно желаю переносить такія страданія!» (XI, 604—605). Вотъ какъ умѣло говорить и чувствовать великое пастырское сердце Златоустово! «Бысть въ сердцѣ моемъ, яко огонь горящъ, палающъ въ костѣхъ моихъ, и не могу носити!» вопіялъ и Іеремія (XX, 9)...

Итакъ, братіе и будущіе пастыри,—ибо къ вамъ преимущественно слово мое,—вотъ предъ нами разные пути. Если кто хочетъ высшихъ радостей, если кто желаетъ ближе подойти къ согрѣвающимъ и даже блаженно-сжигающимъ сердце лучамъ солнца страдающей любви къ Богу и ближнимъ, тотъ долженъ заранѣе приготовить душу свою къ подвигамъ и страданіямъ. но—страданіямъ отраднымъ, скорбямъ радостотворнымъ, мученичеству сладкому! Такой пастырь, правда, погубитъ худшую, эгоистическую часть души своей, но за то найдетъ высокій миръ и утѣшеніе въ спасеніи истинно человѣческой, богоподобной лучшей части души и своей, и ближнихъ (Лк. XVII, 13). Съ такимъ «сорботникомъ» Божимъ (1 Кор. III, 9)

незримо будетъ присутствовать утѣшитель, Духъ Истины, прохладяя огонь его страданій.

Неужели же эту высокую радость полной смысла жизни промѣнять намъ на безмятежное прозябаніе?! Вѣдь, все равно, не удовлетворится имъ душа! Все равно, такая жизнь безъ подвига, или жизнь пастыря—наемника, не принесетъ намъ ничего, кромѣ пустой, скучной, тоскливой, неосмысленной суеты! Неужели же это пріятнѣе, отраднѣе, чѣмъ быть истинными «сынами человѣческими», «сынами Божиими»?!

Нѣтъ, братіе! ежегодная память св. Великомученика Θεодора настойчиво зоветъ каждого питомца этой школы къ словамъ апостола: «ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ», твердо зная, что первый же и вкусишь «отъ плода» трудовъ твоихъ!

Но,—скажетъ кто,—прекрасенъ идеаль, и зоветъ къ нему сердце, но какъ его достигнуть?

Если кто хоть разъ почувствовалъ въ дуплѣ своей этотъ огонь духовный, огонь страдающей любви, желаніе горѣть на алтарѣ жертвоприношеніи Христу и ближнимъ; тотъ пусть знаетъ, что его зоветъ Самъ Богъ. Только пусть онъ того «Духа не угашаетъ» (1 Сол. V, 19), а «возгрѣваетъ» (2 Тим. I, 6) и укрѣпляетъ на твердомъ камнѣ. Имя же камню тому—вѣра: «веля вѣры исправленія», т. е.—доказательство, проявленіе великой вѣры, что св. Θεодоръ огнемъ все소жжегся,—поетъ св. Церковь.

Объ этомъ и заботится наша духовная школа. Но она можетъ только довести до самой вѣры, можетъ очищать ее отъ примѣсей, устранять препятствія къ ней, и съ точки зрѣнія ея объяснять все происходящее въ мірѣ и человѣкѣ. Но не только дать самую вѣру, но и послѣ поддерживать ее есть дѣло, превышающее всякій разумъ человѣческій, всѣ науки,—ибо это есть даръ Божіей благодати, которая сообщается желающимъ, подвизающимся, способнымъ вмѣстить и хранить ее. Возгрѣвай даръ Божій, живущій въ тебѣ,—заповѣдывалъ Апостоль Тимоѳею (2 посл. I, 6) А для этого у насъ есть другая Академія, Учителемъ которой Самъ Христосъ (Мат. XXIII, 8) съ Апостолами, святыми отцами, соборами, благодатной іерархіей, съ вѣками выработаннымъ, Духомъ освященнымъ, бытомъ. Имя этой Академіи—Св. Православная Церковь, главная же учебная аудиторія—этотъ св. Храмъ.

Въ этихъ двухъ академіяхъ и особенно послѣдней и воспи-

тался тотъ крестный пастырь, кронштадтскій свѣтильникъ, который съ радостью горѣлъ и свѣтилъ съ «возсіянія солнца» даже до вечера (Пс. 103, 22, 23).

«Какъ вы стяжали такую пламенную вѣру?» спросили его всего за мѣсяць до смерти. Онъ подумалъ и отвѣтилъ: «Я жилъ въ Церкви: участвовалъ въ святыхъ таинствахъ», особенно же, какъ намъ всѣмъ извѣстно, въ ежедневномъ совершеніи Евхаристіи,—«молился, любилъ особенно читать богослужебныя минеи, а когда оставалось время, читалъ и житія святыхъ».

«Я жилъ въ Церкви»,—вотъ гдѣ главный благодатный источникъ, дающей пламень для любви пастыря, съ радостью полагающаго «душу свою за други своя» и приносящаго себя, «яко хлѣбъ сладкій» Пресвятой Троицѣ.—Аминь.

Гермонахъ Веніаминь.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки